

Темнота была такой успокаивающей, мягкие тени уходили в бесконечность ничего. Отсутствие мысли, света, жизни. Ничто не могло пойти не так, потому что ничего не было. Даже покоя не было. Нечего было портить.

Ничего.

Так и должно было быть.

Смерть, чего так боялись многие люди, является самым подавляющим притоком негативных эмоций. Сожаления, сомнения, желания и мечты. Все они всплывают в те последние мгновения, когда их нельзя было изменить... просто... видели.

Но смерть была так прекрасна, когда ты ее пережил. Чтобы снова быть никем, ни о чем не беспокоиться. Быть целым и пустым. Это было красиво.

Но оно было оторвано от него.

Звон колоколов, сотни, тысячи, миллионы. Излучая по воздуху, принося волны давления. Звук такой оглушительный в некогда мирной тишине. Высокий визг потряс его зрение, его зрение затуманилось. Он собирался заболеть.

Разрушение пространства, трещины на его руках и ногах, медленное ползание разбитого стекла, расщепляющего реальность на осколки. Разрушительные отражения.

Глядя на один из осколков, он увидел себя в отражениях. Разрывы сосредоточились на его радужной оболочке и выстрелили из зрачка. Как будто пространство раскалывалось, когда он смотрел на него, было ли это отражение, на которое он смотрел, или он смотрел вне своего тела на себя, разрушая пространство? Он не знал, он не мог.

Это было ошеломляюще.

Видеть, как его радужка светится безумно-фиолетовым, сотрясение пространства усиливается, интенсивность пронзительного гула звона колоколов ослепляет тьму, вспыхивая тысячами осколков. В туманных отражениях других планов появились сотни трещин. В других измерениях это было гениально ужасно, видеть что-то непостижимое.

Его разум раскалывался, как пространство вокруг него, каждая трещина и разлом разрывали его разум жгучей болью. Когтистая рука проникла сквозь его череп и провела когтями по его мыслям, ослепляя и отрывая их от тела.

Ему не суждено было это увидеть, поэтому он и не увидит.

Была ли это его воля или другая, он не знал, но чувствовал. Трещины, разломы и разрушение пространства начали заживать, сгущаясь в единую точку на его лбу, его тело парило в промежутке между измерениями. Разрушение реальности восстанавливается в его сознании в запечатанных воспоминаниях.

В последних мыслях этих мгновений прозвучал голос. Голос, звучащий позади него. Фигура, заглядывающая сквозь заживающие трещины. Глаза, которые видят за пределами разлома, даже за пределами четвертого измерения. Вне себя.

Они или Это было ужасно страшно...

«Ребенок, рожденный волей и разрушенными измерениями. Никакой план не будет твоим домом, странствуй, навеки проклят».

Моргающий Атлас уставился на крышу своей комнаты в общежитии. Древесина чистая, отшлифованная. Хорошо сделано. Это была хорошая комната.

Сев, он посмотрел на пропитанные кровью одеяла, на которых лежал, он был только наполовину на кровати, его ноги свисали с края. Остальная часть комнаты представляла собой простой письменный стол... хотя на нем ничего не было. Пустая подставка для меча напомнила ему о том, что было.

Его мысли блуждали, когда он смотрел на свою разорванную одежду. Поднявшись, он схватил халат и направился в ванную.

Войдя в душ, он смыл запекшуюся грязь и кровь. Старый пот, его кожа была гладкой под всей грязью. Поднявшийся пар наполнил воздух тусклым туманом, туманом, соответствующим его разуму. Туманно, не в фокусе.

Умывшись, он посмотрел в зеркало, его тело было стройным и подтянутым, гибким и спортивным, без лишних мышц или жира. Его волосы выбились из его лица в небольшой пучок, ему нужно было их подстричь. Потрепанный маленький хвостик не смотрелся на нем восхитительно. Он даже не мог получить некоторые пряди спереди.

Глядя на мерцающую пурпурную радужку, он склонил голову набок. Он видел это вокруг себя, слабые очертания изношенных пространственных линий. Как будто там, где он шел, реальность из всех сил пыталась правильно выровнять равнины, чтобы одна плавно перетекала в другую. Как будто он был на грани существования и удерживался там только своей волей быть там.

Было странное чувство видеть это.

Но он чувствовал себя как дома, немного вне этой реальности. Но он был уверен, что, как и пар, он скоро рассеется.

Слегка улыбнувшись, он распустил конский хвост, и его распущенные мокрые волосы свисали на лицо. Вспышка проклятой энергии в его желудке была похожа на маленькое солнце, горящее ровно и нежно. Постоянный треск силы...

Выйдя из ванной в купальном халате, он направился в свою комнату со своей выстиранной одеждой, предварительно постирав ее в стиральной машине.

Держа их в руке, он достал швейную иглку и простой черной ниткой начал зашивать все разрезы. Он чувствовал себя глупо из-за того, что сделал это таким образом. Но он хотел запомнить этот бой. Он хотел, чтобы это было что-то, что он не забудет надолго. Это было что-то, что в некотором роде сделало его тем, кем он был... и он был этому рад.

Эти воспоминания не были потеряны за пределами космоса. Эти воспоминания, которые он ненавидел и дорожил, но сочувствовал им всем. И именно это делало их особенными.

Закончив чинить свою одежду, он снова надел ее, прежде чем выйти на школьный двор.

Сегодня должен был быть хороший день.

Теплое полуденное солнце ярко светило на пышную траву, мягкая земля слегка прогибалась под его шагами, когда он смотрел на студентов в большом поле. Лужи воды на тротуаре отражают яркое голубое небо без единого облачка.

Влажные пятна лежали в более прохладных тенях, где солнце не могло их достать.

Глядя на травяное поле, он наблюдал, как первокурсники сражались со второкурсниками на тренировке. Много, как он уже видел. Наклонив голову набок, он слегка улыбнулся, наблюдая, как Годжо вытирает пол одним из второкурсников.

Гето тоже щадил, и у него это очень хорошо получалось, он фактически тренировался с мечом... похоже, он уже оказал какое-то влияние на персонажа. Ему нужно поговорить с директором о том, как сделать так, чтобы съеденные проклятые духи не были неприятными на вкус.

Кивнув головой, он направился к кабинету директора. Зная, что глаза Годжо впиваются ему в спину, когда он уходит.

«Так это третий год, да? Слышал, он приехал из деревни и может сам сдавать специальные оценки». — сказал я второму курсу высоким и немного нервным голосом, когда он сел в сторонке на ступеньках. Не вмешиваясь в спарринг.

«Да, один из старшеклассников сказал, что еще до того, как он стал частью этой школы, он одним ударом уничтожил духа особого класса. И это было просто использованием его проклятой энергии...» — сказал второй годик, который пощадил Гето. сказал, опираясь на свой меч, когда он наблюдал за Атласом из-за угла. Его губы сложились в тонкую линию.

— Всего несколько дней назад он получил высокую первую оценку и особую оценку сразу за миссию, которой руководил, — сказал Гето, присоединяясь к разговору. «Он даже не убил их, он просто ослабил их настолько, чтобы я мог их поглотить. Внутри одного из их владений... он высосал энергию особого уровня...» резюмировал Гето. Улыбка на его лице.

"Черт? Я мог бы взять его." Сказал второкурсник 3 на своей заднице, откуда его бросил Годжо, глядя на исчезающую фигуру только для того, чтобы услышать припев «нет, ты не мог» от второкурсника 2, Годжо и Гето. Все смотрят на него как на идиота.

«Вы даже не можете сразиться с Годжо, а этот парень намного сильнее». Второй год 2 сказал с поднятой бровью. На его лице расплылась веселая ухмылка. «В любом случае, какое у него дело... он появляется из деревни и начинает пинать задницы из ниоткуда. И почти ни с кем не разговаривает. Первое, что он сделал, это сбежал на задание... даже не поговорил толком со своими однокурсниками. " — заявил он, приняв стойку готовности, увидев, что Гето готовится к следующему раунду.

Как добраться до кабинета директора Атлас вошел внутрь. Сидит, скрестив ноги, на полу за маленьким кофейным столиком с легкой улыбкой на лице. Совершенно неожиданно и незвано.

«Итак, что привело тебя сегодня, Атлас». — сказал Директор, не отрываясь от своей работы и что-то записывая на листе бумаги. Различные разрозненные отчеты и миссии валялись на столе в папках, а другие были спрятаны в шкафах. Некоторые были связаны, как свитки, и сложены стопками, как будто комната не могла понять, хочет ли она быть традиционной или современной.

«Просто у меня есть несколько вопросов, в основном обо мне. Но также и о других вещах». Атлас раскрылся, его тон расслабился, когда он наклонился вперед и положил локти на стол. Его улыбка исчезла, когда выражение его лица погрузилось в созерцание.

Он будет думать над своими словами. У него только что было довольно выдающееся просветление, но он все еще был слабее, чем директор перед ним... хотя он не думал, что они соответствуют просветленному будущему Годжо. Они были сильными...

«Откуда ты знаешь мой день рождения?» — спросил Атлас, его голос немного понизился, когда он вынул свой студенческий билет и толкнул его через стол к директору. Постучав по ней одним из пальцев.

Прекратив писать, директор сделал паузу, его перьевая ручка повисла над страницей, на которой он писал, чернила медленно скапливались на конце пера, напряжение в воздухе росло по мере того, как капля росла. Прежде чем он окончательно упал.

Брызги против страницы. И директор вздохнул.

Когда я отложил ручку в сторону, мягкий щелчок ручки о подставку был единственным звуком в комнате. Тишина пережила напряжение, которое прервалось с падающей каплей.

«Ответ может быть не таким зловещим, как ты думаешь. Атлас, я знаю твой возраст благодаря моей технике. отсутствие лучшей терминологии». Взяв момент, чтобы обдумать свои слова, он медленно провел пальцами по подбородку. Атлас просто сидел, позволяя мужчине собраться с мыслями.

«Вот откуда я знаю дату твоего рождения, я вижу ее, точнее твой точный возраст. Я вижу, как твоя проклятая энергия колеблется в разных... как бы это сказать... реальностях? ум не может заполнить пробел, как обычно». Директор сказал, объясняя, почему дата была известна. "Ваши другие вопросы?"

«Ты знаешь, откуда я? Моя интуиция с тех пор, как я встретил тебя, подсказывает мне, что ты знаешь обо мне кое-что больше, чем делаешь вид...» — сказал Атлас, переходя прямо к тому, что он действительно хотел спросить, он прощупал почву. . Пришло время погрузиться в них.

"Да." Директор сказал простое, но сильное заявление, когда он посмотрел на Атласа, его глаза пронзали мальчика.

"Вы скажете мне?" — спросил Атлас, его голос стал тише, когда его энергия начала исходить из его тела опасными волнами проклятой энергии.

"Нет." Директор сказал. Подняв руку, взгляд Атласа стал холоднее. Его скрюченные пальцы были тверды, несмотря на давление в комнате и его возраст. Его взгляд был непоколебим в уверенности в своем решении, о котором он явно думал.

«Не спеши, Атлас, позволь мне объяснить». Директор сказал, ожидая, глядя на Атласа, пока они сидели в напряженной конфронтации.

«Значит, ты знаешь, что надо мной экспериментировали в приюте для больных или что-то в этом роде? Ты не собираешься дать мне никакого ответа относительно того, что это было на самом деле или откуда я взялся?» Атлас сказал, его голос повысился в недоверии, в гневе.

«Знание Боя не поможет тебе». Директор сказал, его когда-то ровный голос повысился, когда его проклятая энергия столкнулась с собственной энергией Атласа, его контроль стал намного выше, его энергия стала более утонченной. Его неповиновение ощущалось благодаря чистой воле, когда Атлас был вынужден склонить голову и разорвать зрительный контакт из-за давления, которое оказывал директор. «Это не поможет тебе узнать... это только заставит тебя вести себя как дурак».

Вздыхнув, что его энергия прекратилась, когда комната вернулась в нормальное русло, собственная энергия Атласа остановилась, оставив когда-то затопленную комнату пустой, как будто чего-то не хватало. Сидя там, стиснув зубы, Атлас изо всех сил старался думать спокойно, это не поможет ему разозлиться... он не должен, он должен слушать. Но какая-то часть его была так... разъярена, что прошлое его тела было скрыто от него. Опасности, в которых он мог оказаться, вещи, о которых он не знал. Он знал об опасности Кендзяку, об опасности будущего. Но это? Неизвестность была неопределенностью, которую он не мог запланировать.

Он просто должен был стать сильнее.

Успокоив себя, он сделал несколько глубоких вдохов, директор просто смотрел, как он это делает, позволяя ему расслабиться. Он подождет и позволит мальчику успокоиться.

«Ты был экспериментом. Очень испорченной души. Ты был создан, чтобы быть рабом, кем-то, кто мог бы быть самым сильным, но быть закованным в цепи. Ты был создан как план победить сильнейшего из трех великих кланов, и еще одного, скоро появится, если он когда-либо воскреснет. Создан с особым свойством, которое может свести на нет и то, и другое. Но ясно, что ты не раб, и человек, который тебя создал, сам будет обучать тебя». Директор сказал, показывая вещи, которые он знал.

«Конечно, я не буду рассказывать вам ни кто, ни всю историю, только это. И я надеюсь, что этого достаточно. Вы должны стать сильнее, Атлас, достаточно сильным, чтобы на вас нельзя было повлиять. помогите Годжо вырасти и увидеть это, я думал, когда он родился, что он будет тем, кто возглавит новую эру магов. И, возможно, он все еще может быть тем, кто сделает это. Но у вас тоже есть роль, роль, которую нужно сыграть ... Тот, который я не могу видеть для вас, так как вы даже вне моего зрения ". Директор закончил, объясняя свою позицию.

Если бы он не знал будущего, то не знал бы, что на самом деле имел в виду Директор, но, к сожалению, знал. Кендзяку заставил его победить Годзё и Сукуну. Но он не был Хоши... что бы ни делали с разумом Хоши, не делали с ним. Он все еще был свободен, сбежавший инструмент. Но Кендзяку не убил его. Это означало, что он все еще думал, что может использовать его... или Хоши каким-то образом все еще был жив. Это заставило его о многом задуматься.

Он хотел быть свободным... но его сделали рабом.

Но он будет свободен.

<http://tl.rulate.ru/book/93599/3195551>